

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.1.5>

UDC 94(47+57)«15/16»:929.5
LBC 63.3(2)44-21

Submitted: 10.09.2024
Accepted: 01.12.2024

**DISCUSSION ON THE BOOK BY A.V. BELYAKOV
“NOGAI NOBILITY IN RUSSIA IN THE 16th – 17th CENTURIES”**

Igor O. Tyumentsev

Federal Research Center Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences,
Rostov-on-Don, Russian Federation;
Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Andrey P. Pavlov

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation;
Saint Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Russian Federation

Maksim V. Moiseev

Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Bulat R. Rakhimzianov

Independent Researcher, Kazan, Russian Federation

Anton V. Sergeev

Institute of Industrial Safety, Labor Protection and Social Partnership, Saint Petersburg, Russian Federation

Natalia V. Rybalko

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Abstract. A discussion on the monograph by A.V. Belyakov “Nogai Nobility in Russia in the 16th – 17th Centuries” (Moscow, 2023) is presented, in which six leading experts in the field of socio-political relations of the Moscow state of the 16th – 17th centuries took part. *I.O. Tyumentsev* writes about A.V. Belyakov’s many years of experience in studying the history of the Chinggisids in Russia in the 15th – 17th centuries and the author’s professionalism. He emphasizes the novelty of the study and the validity of the conclusions and notes issues that remain controversial. *A.P. Pavlov* shows the importance of A.V. Belyakov’s monograph for understanding the principles of recruiting the ruling elite of the Russian state, the policy of the Russian government towards representatives of national elites, and the process of formation of the multinational Russian state as a whole. The author notes the novelty of A.V. Belyakov’s methods and approaches and his use of a wide range of archival sources. It is concluded that A.V. Belyakov’s monograph is a fundamental prosopographical study that covers a wide range of aspects of the life of representatives of the Nogai nobility in Russia – their origin, family ties, official activities, land ownership, private life, etc. *M.V. Moiseev* analyzed the strengths of the book and showed the unsuccessful and insufficiently substantiated provisions of the study. In general, it is concluded that A.V. Belyakov made titanic efforts to identify the maximum number of Nogai descendants, which allowed him to recreate a fairly complete picture of the genealogical ties of noble descendants of the Nogai Horde, making the study unique. *B.R. Rakhimzianov* points out the differences between a monograph and a reference book; the specific “microhistorical nature” of A.V. Belyakov’s research has been noted; the author of the review

designates the genre of the book under review as “popular source studies.” It is noted that the elaboration of the historiography of the issue is extremely selective and weak, and the text of the book is descriptive. The author’s heavy style and inadequate understanding of the subject of the study are also noted. The conclusion is an opinion about the book as a reference publication, but not a scientific monograph in its classical sense. *A.V. Sergeev* considers A.V. Belyakov’s book to be a significant contribution to Russian historical science but notes that the research is primarily focused on clarifying the genealogies of the Nogais who left for Russia and, to a lesser extent, studying their social evolution and points out a number of controversial conclusions by the author. *N.V. Rybalko* characterized the work under review from the position of the theory of the method of prosopography, noting that the monograph by A.V. Belyakov is a solid prosopographical study; the author collects numerous biographical facts, combines them into genealogies, and forms a holistic idea of the place of the Nogai nobility in Russian society during the Middle Ages.

Key words: Nogai nobility, elite, Tsar’s court, genealogy, land ownership, history of Russia in the 16th–17th centuries, Chinggisids.

Citation. Tyumentsev I.O., Pavlov A.P., Moiseev M.V., Rakhimzianov B.R., Sergeev A.V., Rybalko N.V. Discussion on the Book by A.V. Belyakov “Nogai Nobility in Russia in the 16th – 17th Centuries”. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2025, vol. 30, no. 1, pp. 52-71. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.1.5>

УДК 94(47+57)«15/16»:929.5
ББК 63.3(2)44-21

Дата поступления статьи: 10.09.2024
Дата принятия статьи: 01.12.2024

ДИСКУССИЯ ПО КНИГЕ А.В. БЕЛЯКОВА «НОГАЙСКАЯ ЗНАТЬ В РОССИИ XVI–XVII ВЕКОВ»

Игорь Олегович Тюменцев

Федеральный исследовательский центр Южный научный центр РАН, г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация;
Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Андрей Павлович Павлов

Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация;
Санкт-Петербургский институт истории РАН, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

Максим Владимирович Моисеев

Институт российской истории РАН, г. Москва, Российская Федерация

Булат Раимович Рахимзянов

Независимый исследователь, г. Казань, Российская Федерация

Антон Вадимович Сергеев

Институт промышленной безопасности, охраны труда и социального партнерства, г. Санкт-Петербург,
Российская Федерация

Наталья Владимировна Рыбалко

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. Представлена дискуссия по монографии А.В. Белякова «Ногайская знать в России XVI–XVII веков» (Москва, 2023), в которой приняли участие шесть ведущих специалистов в области общественно-политических отношений Московского государства XVI–XVII веков. *И.О. Тюменцев* пишет о многолетнем опыте А.В. Белякова в изучении вопросов истории Чингисидов в России XV–XVII вв. и профессионализме автора. Подчеркивает новизну исследования, обоснованность выводов, отмечает вопросы, которые остаются дискуссионными. *А.П. Павлов* показывает значение монографии А.В. Белякова для понимания принципов комплектования правящей элиты Русского государства, политики русской власти по отношению к представителям наци-

ональных элит и процесса становления многонационального Русского государства в целом. Отмечается новизна методов и подходов А.В. Белякова, привлечение им широкого круга архивных источников. Сделано заключение, что монография А.В. Белякова – это фундаментальное просопографическое исследование, освещающее самые различные стороны жизни представителей ногайской знати в России – их происхождение, родственные связи, служебную деятельность, землевладение, частную жизнь и т. д. *М.В. Моисеевым* проанализированы сильные стороны книги, показаны неудачные и недостаточно обоснованные положения исследования. В целом заключено, что А.В. Беляков приложил титанические усилия по выявлению максимального числа ногайских выходцев, что позволило ему воссоздать довольно полную картину генеалогических связей знатных выходцев из Ногайской Орды, сделав исследование уникальным. *Б.Р. Рахимзянов* указывает на различия между монографией и справочным изданием; отмечается специфическая «микросторичность» исследований А.В. Белякова; жанр рецензируемой книги участник дискуссии обозначает как «популярное источниковедение». Замечено, что проработка историографии вопроса крайне выборочная и слабая, а текст книги является описательным. Отмечен тяжелый стиль автора и неадекватное представление о предмете исследования. Выводом является мнение о книге как о справочном издании, но не научной монографии в ее классическом понимании. *А.В. Сергеев* считает книгу А.В. Белякова существенным вкладом в отечественную историческую науку, но отмечает направленность исследования преимущественно на выяснение родословий выехавших в Россию ногайцев и в меньшей степени – на изучение их социальной эволюции, указывает ряд спорных заключений автора. *Н.В. Рыбалко* охарактеризовала рецензируемый труд с позиции теории метода просопографии, отметив, что монография А.В. Белякова является добротным просопографическим исследованием, автор собирает многочисленные факты биографий, соединяет их в родословные и формирует целостное представление о месте ногайской знати в российском обществе периода Средневековья.

Ключевые слова: ногайская знать, элита, Государев двор, генеалогия, землевладение, история России XVI–XVII вв., Чингисиды.

Цитирование. Тюменцев И. О., Павлов А. П., Моисеев М. В., Рахимзянов Б. Р., Сергеев А. В., Рыбалко Н. В. Дискуссия по книге А.В. Белякова «Ногайская знать в России XVI–XVII веков» // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2025. – Т. 30, № 1. – С. 52–71. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.1.5>

Введение

(от редколлегии)

Мы продолжаем периодическую рубрику «Дискуссия по книге», посвященную новым значимым монографиям наших авторов. Ранее такие дискуссии были проведены по книгам Т. Крауса в 2021 г. [12] и А.И. Кубышкина в 2023 г. [41] и вызвали положительные отклики. Ученые имеют возможность высказать свое мнение на площадке нашего журнала, тем самым привлечь внимание читателей к новым публикациям и обсудить развитие исторического знания на современном этапе.

Чингисиды

**в Московском государстве XV–XVII вв.:
приглашение к дискуссии**

(И. О. Тюменцев)

Андрей Васильевич Беляков на протяжении нескольких десятков лет разрабатывает тему «Чингисиды в России в XV–XVII веках». Поскольку представители «золотого рода» были активными участниками Смуты,

значимые комплексы документов по этой теме отложились в реконструированном нами походном архиве Яна Сапеги 1608–1611 гг. [29]. Много лет назад я обратился к нему с просьбой проанализировать собранные нами материалы и внести коррективы и уточнения. Андрей Васильевич проделал эту работу на общественных началах высоко профессионально, с глубоким знанием материала по теме. Он четко, педантично и корректно разложил все по полочкам, исправил ошибки и неточности. Особое впечатление на меня произвели его уточнения имен Чингисидов, прежде всего осевших в России.

Не секрет, что приказные часто коверкали их имена. Затем эти искажения перекочевали в труды историков, поэтому четкости в ономастике имен не было и, несмотря на исследование А.В. Белякова, нет. На мой взгляд, первое, что нужно сделать, – это договориться и принять предложенные им написания имен представителей «золотого рода» [2; 4–7].

Тема, за которую взялся Андрей Васильевич, до него в историографии не ставилась,

специально не изучалась, а лишь затрагивалась. До революции были написаны работы по отдельным персоналиям и государственным образованиям, таким как Казанское, Крымское, Касимовское ханства. В советское время представители «золотого рода» лишь упоминались в общих работах по истории СССР и отдельных республик. В центре внимания советских исследователей была история рабочего класса и крестьянства. Лишь в трудах С.Б. Веселовского [13; 14], а затем А.А. Зимина [17] и А.П. Павлова [23; 24] возобновились просопографические исследования. В настоящее время это одно из основных направлений разработки российских историков [9; 19–21; 30; 32; 34], в котором важная роль принадлежит А.В. Белякову [2; 4–7].

Историк смог привлечь для своего исследования все доступные ему источники и указал имеющиеся перспективы в разработке источниковой базы своей темы, что достаточно редко встречается в исследовательской литературе. Он совершенно прав, что «главный резерв» по исследованию анализируемой темы находится в архиве Топкапы (Турция). Основным препятствием является турецкая письменность того времени, в которой используется арабская вязь, а не современный алфавит. А.В. Беляков также полагает, что могут быть найдены интересные коллекции в совершенно неожиданных местах – в российских и зарубежных архивах [2, с. 416–417]. Действительно, далеко не исчерпаны возможности документов на польском, шведском, немецком и других языках. В связи с этим большие надежды мы возлагаем на оцифровку документов этих архивов и библиотек и предоставление свободного доступа для исследователей.

Еще один резерв хотелось бы указать – это личные архивы исследователей, касавшихся данной темы или непосредственно занимавшихся ею. Обычно то, что опубликовано, – это вершина айсберга. Многие документы копировались исследователями вручную, при помощи копировальных машин, а сейчас – сканированием. В 80-х годах прошлого века мы убедились, что «рукописи не горят», когда среди бумаг историков А. Гиршберга и А. Прохазки во Львове нашли копии сгоревших документов во время Варшавского восстания 1944 г. [29].

Результатом проделанной работы явилась монография «Чингисиды в Московском государстве XV–XVII вв.» (2011), ставшая основой докторской диссертации, «Инкорпорация тюркской знати в России: Чингисиды в России XV–XVII веков: просопографическое исследование» (2017) и ряд монографий, уточняющих и развивающих исследование по истории отдельных групп «золотого рода» в России, например «Сибирские царевицы в истории России» (2018), или наиболее ярких представителей: «Ураз-Мухаммед ибн Ондан и Исинея Карамышев сын Мусаитов: Опыт совместной биографии» (2019) и «Симеон Бекбулатович: пример адаптации выходцев с Востока в России XVI в.» (2022).

А.В. Беляков пришел к обоснованным выводам, главный из которых заключается в том, что разные ветви Чингисидов неизменно получали у московских государей и царей «большую честь», жаловались деньгами, имели значительные владения как на правах уделов, так и вотчин, но, в отличие от князей Гедиминовичей, Рюриковичей, выходцев из Европы, ногайских и крымских биеев и мурз, никогда не инкорпорировались в состав Государева двора и держались вне Москвы, особняком. Историк заключает, что московским государям реальная активная служба Чингисидов была не нужна [2, с. 416]. При этом вопрос, почему сложилась такая практика, остается без ответа, так как А.В. Беляков в дальнейшем сосредоточился на изучении последствий принятия детьми «Чингисидов» православия и их судьбе [5; 7]. По большому счету это правильно, так как нельзя строить новую гипотезу, опираясь на только что сделанное общее заключение.

Возьму на себя смелость высказать некоторые соображения. Великие князья Древней Руси в дипломатической иерархии считались «базилеями» (королями) византийских императоров (царей). После монгольского завоевания князья владимирские и московские подчинились другому царю – хану Золотой Орды, который обязательно должен был происходить из Чингисидов. Отвергнув власть золотоордынского хана (царя) Ахмата и вместе с крымскими, казанскими, сибирскими ханами и ногайцами сокрушив Большую Орду, Иван III вышел из-под власти «золотого рода»

и стал сам «держателем» свою землю. Утверждение принципа самодержавия в управлении страной вступило в острое противоречие с древним принципом совокупного владения родом Рюрика Русской землей [25]. Князя Рюриковичи – «братия» Ивана III, явившись на службу в Москву, потребовали своей доли власти, оттесняя старомосковское боярство. Великий князь, по наблюдению Р.Г. Скрынникова, оказался в плену у «братии», и стало ясно, что за «самодержавие» еще предстоит тяжелая борьба. В этой борьбе подвластное московским государям положение Чингисидов давало веский аргумент для оттеснения «братии» от управления страной [36]. Примечательно, что к сходному аргументу впоследствии прибег Борис Годунов, обосновывая свои права на московский престол [35, с. 250].

При преемниках Ивана III Московское царство вступило в жестокую борьбу с «осколками Золотой Орды»: Казанским, Крымским, Астраханским, Сибирским ханствами и Ногайской Ордой. Наличие подвластных московским государям владельцев бывшего Царева улуса – Чингисидов – и родственных связей с ними повышало межгосударственный статус московских рюриковичей и являлось веским аргументом, подтверждавшим их права в борьбе за золотоордынское наследство.

Вместе с тем опыт породнения представителей Чингисидов с московской правящей династией после их крещения обнаружил другую опасность. Лицедействуя при учреждении Двора осенью 1575 г., Иван Грозный поставил царем крещеного Чингисиды Симеона Бекбулатовича, а себя объявил удельным князем Иванцем Московским, формально возродив золотоордынские порядки – подчинение царю-Чингисиду московского князя. Лицедейство вряд ли было случайным. Оно обнаруживает, что московские власти никогда не забывали о прошлом «золотого рода» и опасности участия его представителей в борьбе за власть в Москве. То, что эта опасность вполне реальна, показали события 1598 г., когда боярская оппозиция Б. Годунову выдвинула кандидатуру Симеона Бекбулатовича на московский престол, и 1605–1606 гг., когда престарелого Симеона вызывали к себе цари Лжедмитрий I, а затем Василий Шуйский [18].

В сложившейся в России XVI в. ситуации активная служба Чингисидов московским государям была не нужна и даже опасна. Именно поэтому в XVII в. Романовы ликвидировали особый статус «золотого рода».

Новое фундаментальное просопографическое исследование о татарской знати в России XVI–XVII веков

(А.П. Павлов)

Новая монография Андрея Васильевича Белякова [8] посвящена изучению положения представителей ногайской знати в России XVI–XVII вв. и является продолжением его многолетних изысканий о месте знати татарского происхождения в Московском государстве указанного периода [2]. Данная тема до сих пор оставалась недостаточно исследованной в историографии. Между тем без ее детального изучения невозможно в полной мере понять принципы комплектования русской правящей элиты, политику русской власти по отношению к представителям национальных элит и процесс становления многонационального Русского государства в целом. Отталкиваясь от научных работ Вадима Винцеровича Трепавлова по истории Ногайской Орды [40] (его памяти посвящена рецензируемая книга), А.В. Беляков поставил своей задачей воссоздать целостный коллективный портрет представителей ногайской знати (потомков Эдиге), реконструировать их генеалогию, статус в Русском государстве, стратегии поведения, службы, землевладение и иные формы материального обеспечения, родственные связи. Следует сказать, что А.В. Беляков взялся за выполнение весьма сложной и трудной задачи. Материалы по истории и генеалогии ногайских мирз скудны, отрывочны и разбросаны по разным архивным фондам. Автором проделана огромная и весьма трудоемкая работа по выявлению дошедших до нас документов приказного делопроизводства, основная часть которых не опубликована, их приходилось собирать буквально по крупицам, подвергать взаимной критической проверке. И здесь ярко проявилась характерная черта научного творчества А.В. Белякова – исследовательская тщательность, большое внимание к деталям и осторожность выводов.

Широта источниковой базы, новый комплексный подход к изучению темы позволили А.В. Белякову представить развернутую и в целом убедительную картину истории пребывания в России представителей ногайской знати в XVI–XVII веках.

Особый интерес представляет раздел монографии, посвященный генеалогии представителей ногайской знати, обстоятельствам их выезда в Россию и интеграции в структуру Московского государства. А.В. Белякову удалось выявить наиболее полные на настоящий момент сведения о представителях различных ветвей потомков Эдиге в России (о более чем 200 представителях рода, носителях 25 родовых прозвищ), существенно пополнить сведения родословных книг и родословных росписей, а также исправить многие неточности, имевшие место в родословцах и генеалогической литературе. Прделанная работа имеет большое научное значение: мимо выявленной А.В. Беляковым информации не сможет пройти ни один исследователь истории служилого сословия.

А.В. Беляков детально прослеживает сложный и извилистый процесс инкорпорации ногайской знати в состав общерусского служилого сословия на протяжении XVI–XVII вв. и отчасти XVIII века. В XVI в., показывает автор, ногайские мирзы со своими отрядами начинают все чаще отъезжать в Москву и, благодаря своему изначально высокому статусу, занимать видное положение в служилой иерархии Московского государства. Часть ногайских выходцев, принявших православие, успешно инкорпорируется в состав русской правящей элиты (Государева двора) и занимает в ней, как показывает А.В. Беляков на примере представителей рода Шейдяковых, весьма высокое положение. Вслед за некоторыми другими исследователями автор монографии справедливо усматривает в политике Ивана IV по компактному испомещению в Романове выезжей знати из Ногайской Орды стремление создать на этой территории Русского государства вассальный аналог Ногайской Орды, для того чтобы влиять на политику ногайских биев. Убедительно раскрываются в работе и причины неудачи данного эксперимента.

В монографии показывается падение статуса потомков Эдиге в России в XVII в.

по сравнению с XVI столетием. Данное обстоятельство убедительно связывается автором прежде всего с деградацией государственности в самой Ногайской Орде. Происходило падение военного значения выездов: если в XVI в. ногайские мирзы выезжали в Россию со своими военными отрядами, то в XVII в. их сопровождал только небольшой штат домашних слуг. Падению веса ногайской знати в глазах московского правительства, как отмечает А.В. Беляков, способствовали частые случаи бегства знатных ногайских выходцев за пределы России [8, с. 135].

Несмотря на общий упадок статуса ногайской знати, ногайское (ордынское) происхождение вплоть до петровских преобразований, отмечает А.В. Беляков, оставалось престижным [8, с. 132]. Московское правительство проводило политику по интеграции Эдигеевичей в состав общерусской служилой элиты. Перешедшие в православие ногайские выходцы зачислялись в Государев двор и получали высшие московские чины стольников и московских дворян. Более быстрой их интеграции в московскую элиту способствовали заключения браков с представительницами знатных русских служилых родов; причем эти браки, как показывает автор, «явно задумывались в Кремле» [8, с. 203].

Однако далеко не все потомки Эдиге, согласно наблюдениям А.В. Белякова, смогли сделать успешную карьеру в Московском государстве. Большинство их к концу XVII в. затерялось среди численно разросшихся стольников и дворян московских, а некоторые из них стали входить в состав Государева двора в чинах стряпчих и жильцов как второстепенная служилая знать. Многие ветви рода пресеклись на протяжении XVI–XVII веков. А.В. Беляков отмечает видное положение в государстве в XVII в. лишь нескольких ногайских родов: проживавших в Романове Кутумовых и Юсуповых, представителей рода Шейдяковых и особенно Урусовых. Последние, констатирует автор исследования, были единственным ногайским родом, достигшим высших придворных и думных чинов. В качестве главной причины карьерного успеха Урусовых А.В. Беляков справедливо указывает их важные родственные связи с кланами Годуновых и Романовых.

Монография А.В. Белякова раскрывает самые различные стороны жизни представителей ногайской знати в России XVI–XVII вв.: их происхождение, родственные связи, служебную деятельность, землевладение и другие формы материального обеспечения, отношение к религии, частную жизнь и т. д. Перед нами фундаментальное просопографическое исследование по истории ногайского рода, представители которого сыграли видную роль в истории России.

Можно высказать по работе небольшие замечания и пожелания. В пояснении нуждается определение понятия «элиты» применительно к изучаемой автором монографии ногайской знати. С одной стороны, автор подразумевает под элитой круг лиц, приближенных к русской правящей династии, участвовавших в делах управления государством (членов Государева двора), то есть речь идет здесь о правящей элите Русского государства. Но, с другой стороны, автор указывает на наличие татарской знати неправославного исповедания, в состав Государева двора никогда не включавшейся. Последние, пишет автор, «безусловно подпадали под понятие элит» [8, с. 9], однако следовало бы дать более четкое определение этой элиты (национальная элита, местная элита и т. д.).

Вряд ли можно вслед за автором монографии говорить о трансформации статуса Шейдяковых в конце XVI в. из князей служилых в дворяне московские [8, с. 71, 244]. Как показал А.Л. Станиславский, упомянутые в боярском списке 1588/89 г. лица по особым княжеским рубрикам («князья служилые», «князья Ростовские» и др.) уже принадлежали к чину дворян московских [37, с. 129].

Автор отмечает нерегулярность выплаты денежных окладов в XVII в. представителям ногайской знати, однако это было характерно для всех категорий служилых людей.

Можно было бы несколько расширить круг источников для изучения землевладения ногайской знати и, в частности, использовать материалы Приказа сбора ратных людей 1638 года.

Высказанные замечания носят либо частный характер, либо характер пожеланий и не могут повлиять на общую высокую оценку работы А.В. Белякова. Его монография вно-

сит новый, значительный вклад в изучение положения тюркской знати в общественно-политической структуре Московского государства XVI–XVII вв., и ее появление, бесспорно, является крупным событием в отечественной историографии.

Стратегии инкорпорации: государственная политика и действия мигрантов

(М.В. Мусеев)

Для истории России в XVI–XVII вв. характерна постоянно увеличивающаяся роль миграции, в рамках которой в правящую элиту и служилое сословие влилось заметное количество тюрков-мусульман. Правящие круги Русского государства выработали основную стратегию инкорпорации данной группы. В этой политике мы можем выявить оперативную инкорпорацию, в рамках которой инкорпорируемая группа сохраняла свою идентичность полностью. Они жили компактно и не были включены в общую систему регулирования и учета. Полная же инкорпорация наступала в случае принятия православия, после которой инкорпорируемый включался в общую систему регулирования и институты управления.

Эта проблематика давно привлекла пристальное внимание историков. Особенно плодотворно ее разрабатывают в последнее время. Выезды ногаев на службу в Московское государство впервые были рассмотрены В.В. Трепавловым [38; 39]. А.В. Беляков посвятил истории Чингисидов в России XV–XVII вв. специальное исследование, И.В. Зайцев проанализировал персоналии служебной группы великокняжеских татар [2; 7; 16]. Однако приходится признать, что многие вопросы еще остаются неизученными. Особенно это заметно на примере такой массовой группы иммигрантов, как выходцы из Ногайской Орды. Не всегда понятны обстоятельства выезда, генеалогические связи, условия их жизни и службы, брачные и карьерные стратегии, которые они избирали на новой Родине.

Новая монография А.В. Белякова продолжает серию исследований автора, посвященных изучению процесса интеграции мусульманской выездной знати в состав правя-

щего класса Московского государства. Структура книги логична и проистекает из поставленных исследовательских задач. Рецензируемое произведение состоит из введения, трех глав, заключения и документального приложения. Во введении автор рассматривает историографию и источники изучаемой проблемы, первая глава посвящена выездам и генеалогии ногайских родов, осевших в России, во второй главе – материальное содержание, а в третьей – жизнь и служба ногаев на новой Родине.

Во введении автор делает ряд необходимых теоретических замечаний. Элиту А.В. Беляков понимает довольно широко: «...как круг лиц, приближенных к правящей династии и регулярно используемый в делах управления и войны» [8, с. 9]. Конкретно-исторически элита Московского государства состояла из лиц, жаловавшихся думскими и московскими чинами, – члены Государева двора. Автор отмечает, что в рамках этого жесткого определения выезжая знать, которая сохраняла определенную обособленность даже после принятия православия, составляет некоторое исключение [8, с. 9]. Однако это кажущееся противоречие. Дело в том, что элита в рамках политического подхода – это круг лиц, обладающих реальной властью или влиянием на политические процессы вне зависимости от личных деловых или моральных качеств. Выезжая знать обладала и реальной властью, и влиянием на те или иные политические процессы, поэтому мы можем ее смело причислять к элите Московского государства.

А.В. Беляков отмечает, что «статус русских княжеских родов ногайского происхождения имеет ярко выраженные особенности в допетровской Руси» [8, с. 10]. Потомки Эдиге в Москве имели высокое положение, но уступали и великому князю / царю, и Чингисидам, и были близки по положению к служеным (служилым) князьям. Исследователь предлагает два методических указания, которые повышают эффективность поисковой работы при изучении довольно многочисленной группы выходцев из Ногайской Орды. Во-первых, ориентироваться на наличие княжеского титула и «восточного» родового прозвища; во-вторых, на данные различных родословных росписей потомков Эдиге [8, с. 10–11].

Сильной стороной книги, вне всяких сомнений, является то, что автор приложил титанические усилия по выявлению максимального числа ногайских выходцев. Эта работа осложнялась несколькими факторами. Во-первых, информация рассеяна по многочисленным документам, которые отложились в архивохранилищах разных городов. Автору приходилось просматривать большое число документов, выясняя факты жизни и деятельности своих персонажей. Во-вторых, эти сведения мозаичны и не создают последовательной картины истории ногайских родов в Московском государстве. А.В. Беляков постарался воссоздать полные генеалогии этих работ, проанализировал и те персоны, которые не имеют однозначной атрибуции тому или иному ногайскому роду. Автор рассмотрел и брачные стратегии ногаев. Все это позволило ему воссоздать довольно полную картину генеалогических связей знатных выходцев из Ногайской Орды на новой Родине.

Особое место в исследовательском очерке А.В. Белякова занимает анализ материального положения героев своих исследований. В книге проанализированы поместные оклады и годовое денежное жалование, поместный корм и питье, землевладение, а также различные единовременные дачи (на приезд, дворовое строение, конский корм, дрова, свечи, на платье, за принятие православия и т. п.). Кроме этого, автор проанализировал материальное содержание ногайских мирз, находившихся в опале, и поденный корм находившихся в монастыре. Подобное исследование позволяет не только выяснить экономическое положение российских ногаев, но и прояснить царскую политику по отношению к выходцам из исламских стран. Еще одним следствием подобного изучения является выяснение мира вещей, окружавшего персонажей книги, что является необходимым для дальнейшего изучения проблематики бытовой культуры и истории повседневности Московского царства.

В третьей главе автор стремится реконструировать жизнь и службу выезжих ногаев. В определенном смысле в ней подытоживаются исследования, проведенные в предыдущих главах. Автор вновь возвращается к анализу выездов и браков, о чем писал в первой главе. Впрочем, в этих разделах А.В. Беля-

ков концентрируется на анализе процедур и стратегий, что не позволяет говорить о простом повторении уже изложенного материала. Далее автор рассматривает службы, частную и религиозную жизнь своих героев, а также криминальные факты их биографий. Замечательно, что и рядовые участники военных отрядов выезжих ногаев стали объектом изучения. Все это позволило создать уникальное по своей полноте исследование.

В целом сильные стороны новой книги А.В. Белякова говорят сами за себя, но есть и замечания. Главным образом они касаются стиля изложения материала и относятся к архитектуре текста, а также к некоторым формулировкам, использованным в книге. Например, я бы воздержался определять Исмаила убийцей Юсуфа, так как этот факт не установлен со стопроцентной точностью, и предпочел бы говорить о его причастности к убийству. Определение все того же Исмаила узурпатором в принципе не верно, так как в постордынских государствах отсутствовала система линейного наследования власти от отца к сыну. Наследование бийского достоинства происходило в рамках правящего рода, к которому Исмаил принадлежал и был, кстати, ближайшим по порядку наследования после Юсуфа. Поэтому стоило бы отказаться от термина «узурпатор». Кроме отмеченных замечаний обращает на себя внимание тот факт, что в ряде случаев текст написан неряшливо, изложение материала может быть сбивчиво и путано. Например, в рассказе о Петре и Афанасии Шейдяковых автор сначала пишет о Петре, затем прерывается и повествует об Афанасии, а потом вновь возвращается к Петру. Такой подход вряд ли может считаться удачным. В ряде случаев автор делает смелые предположения, которые ничем не обоснованы. Так, А.В. Беляков сначала делает предположение, что Фатима (жена казанских ханов Али и Мухаммед-Эмина) выехала в Россию, а затем решительно выдает ее замуж в 1519 г. за Шах-Али, и далее она принимает участие в событиях 1535 года. Учитывая, что первые упоминания о ней фиксируются в 1480-х гг., то даже при самых скромных подсчетах Фатима превращается в политического долгожителя, который действует около 50 лет. Все это заставляет нас усомниться в отождествлении

Фатимы – жены Мухаммед-Эмина и Фатимы – жены Шах-Али. Оснований для этого нет никаких, кроме как совпадение имен, но и имя не самое редкое. Автор, конечно, призывает к осторожности, но тем не менее такое тождество он допускает как возможное. Далее автор пишет о «гостевых браках» в Ногайской Орде и Сибирском ханстве, но никаких доказательств в пользу этого наблюдения не приводит. Хотя само явление крайне любопытное и нуждается в обстоятельном исследовании, возможность подобных браков может быть обоснована различными брачными стратегиями. Например, на иранских материалах нам известны так называемые временные браки (сигэ) [10].

Однако сделанные замечания не отрицают того факта, что теперь у нас в руках наиболее полное исследование по истории потомков Эдиге в России XVI–XVII веков. Одно из очевидных достоинств книги заключается в том, что создана база данных, опираясь на которую можно проводить дальнейшие изыскания об Эдигеевичах в России. В исследовании показаны не только государственная политика по отношению к ногайской знати, но и их личные стратегии, направленные или на интеграцию в новое общество, или, наоборот, на сохранение своей идентичности и обособленности. В конечном счете инкорпорация – это не дорога с односторонним движением, она становится возможной только в случае согласия инкорпорированного стать частью нового социума.

**Научная монография
и справочное издание: находим различия
(Б.Р. Рахимзянов)**

Давно находясь в жаркой тропической стране и занимаясь в последнее время не самой средневековой историей, а ее использованием и интерпретациями в Новейшее время, я был немало удивлен, когда на мою почту пришло приглашение от уважаемого и читаемого журнала принять участие в дискуссии по книге А.В. Белякова. Тем не менее, просмотрев редакционный совет приглашающего издания, решил принять приглашение, тем более что и автор, и тематика мне хорошо знакомы.

Многие нюансы истории взаимоотношений наследников Золотой Орды с русскими

княжествами и представителями их элит исследованы далеко не в полной мере. Здесь сказывается ситуация с источниковой базой, которая на данный момент опубликована далеко не вся, а доступ к архивным документам не так прост. Даже посольские дела, множество которых находится в коллекциях Российского государственного архива древних актов в столице РФ, все еще ждут своего публикатора. Однако положение дел постепенно начинает меняться.

В этой ситуации у исследователя, непосредственно работающего с документами из архивных собраний, появляется сильный соблазн ознакомить более широкую аудиторию с результатами своих, по сути, источниковедческих штудий. Это нередко приводит к перегруженности исследований фактами, мелкими нюансами, незначительными персонажами и подробностями, которые мало что добавляют к генеральной идее работы, если таковая вообще присутствует. В итоге мы часто получаем тексты описательного характера: в отношении истории Золотой Орды и ее наследных государств еще много «непроработанного» материала, и это нередко приводит к его введению в оборот в виде подробных статей или даже монографий по отдельным сюжетам позднесолотоордынской истории (к примеру: [15; 22] и многие др.).

В этом плане можно задуматься над концептуальным вопросом: а что вообще собой представляет научная монография и есть ли отличия между ней и справочным изданием? Многие исследователи отметут данный вопрос с негодованием: если ученый провел большое количество времени в архиве и желает ознакомить научный мир с результатами своих штудий и эти результаты по объему представляют собой внушительный труд (а 324 страницы – это немало), то о чем может идти речь? Это и есть монография. Я же думаю, что неспроста нас учили при написании диссертаций различать научную литературу и библиографические и справочные издания.

В аннотации автор монографии А.В. Беляков заявляет, что «представленная работа позволяет понять, *на каких принципах* (здесь и далее в цитате курсив мой. – Б. Р.) основывалась политика по отношению к представителям неправославных национальных элит.

Полученные результаты могут быть использованы для исследования иных групп неправославного населения Московского государства в допетровский период» [8, с. 2]. Достаточно серьезная заявка на вклад в историографию российского Средневековья.

Из 324 страниц характеристике источников и историографии посвящено лишь 10. Наверное, согласно логике автора, это понятно, ведь основную работу с источниками проводит он (по сути, весь его текст – это «популярное источниковедение»), а вдаваться в дебри историографических штудий других исследователей не так интересно (обзор исследовательской литературы неполный, а зарубежная историография почти отсутствует, что так легко выдать за патриотизм – какой смысл читать этих иностранных исследователей, если они все равно ничего путного не напишут? Придерживающихся же противоположного подхода легко обвинить в наличии «родовой травмы» [3, с. 197]). Основная масса текста книги посвящена различным, зачастую весьма «микроисторическим» нюансам выезда представителей ногайской знати в Московское государство и жизни в нем. Солидному приложению, столь любимому автором монографии и в своих предыдущих творениях, посвящено 25 страниц. Указатели, именной и географический, также не обделены объемом – 29 страниц.

Интересно, что даже введение к книге в основном содержит фактографические данные, перечисления, мелкие детали. Концептуальных вопросов оно не ставит. Для чего автор писал свою книгу? Какую цель он ставил и какие задачи помогли ему в разрешении исследуемой проблемы? Все это остается в зоне догадок читателя. Складывается впечатление, что целью является переложения архивных данных в более-менее популярную форму (хотя по стилю монографию нельзя назвать увлекательным чтивом). То же самое можно сказать и о заключении. Автор попросту пересказывает в краткой форме содержание основных глав – это абсолютно нормальный прием, если за этим следуют какие-либо концептуальные выводы. Но их нет.

Трудно говорить о самом тексте книги, так как он вновь представляет собой бесконечное перечисление фактов. Автор явно пе-

реработал огромное количество архивной информации и «растворился» в ней, пытаясь проделать то же самое и с читателем. Иногда, как в главе «Выезды и генеалогия», эта информация разбавлена какими-то рассуждениями автора, а иногда, как в главе «Материальное содержание», идет просто сухая статистика – когда, кому, сколько «учинили» помещный оклад или годовое жалование. Но не стоит думать, что в книге все так скучно. Мы становимся свидетелями удивительных и увлекательных сюжетов, как, например: сколько ведер «меда паточного и княжего» назначили тому или иному представителю ногайской знати в день [8, с. 147], какое количество дров выдавалось на его содержание [8, с. 176], что именно – «вино горячее» или «солод ячный» (или все это вместе) – выдавалось ногаям «на свадьбу» [8, с. 187], или что «Василию Урмаметеву принадлежали: полотняный шатер; сукно настрафильное червчатое; палаш; конская упряжь; сафьяновое седло; санная полть; хомут с лисьими хвостами; колымажное сукно; порченые латы; задняя доска от лат; 2 шишака; сабля “люцкая”; 3 седла “люцких”; сумка» [8, с. 209].

Если бы автор монографии ясно и внятно обозначил свое поле как микроисторию и/или историю повседневности и почитал бы исследовательскую литературу о том, как эти темы следует раскрывать, его работы были бы бесценны. Однако заявленное им в аннотации явно говорит нам о том, что свою роль в историографии российского Средневековья автор книги видит иначе. То же самое можно сказать и про заключение работы: «Сделанные нами (sic! – кем «нами»? В авторах книги я вижу только одного человека. – Б. Р.) наблюдения важны не только в рамках изучения *истории бытования в Московском государстве князей и мирз ногайского происхождения* (здесь и далее в цитате курсив мой. – Б. Р.), они также позволяют более детально проследить, как осуществлялась инкорпорация тюркской знати в состав православных служилых элит, какие сигналы им посылали власти и как на них реагировали знатные мусульмане и недавние новокрещены» [8, с. 250]. Если с первой частью фразы («история бытования...») – она в книге представлена неплохо) я, пожалуй, соглашусь, то разработка про-

блемы, принципов и механизмов «инкорпорации тюркской знати в состав православных служилых элит» в работе находится в зачаточном состоянии.

В монографии имеются примеры «осовременивания» средневековых явлений: «...хотя были и отдельные примеры проявленного ими (ногайскими мирзами и князьями. – Б. Р.) героизма в борьбе за будущее их новой родины (Михаил Канаевич Тинбаев)» [8, с. 244]. Думаю, понятие «героизм» если и присутствовало в умах героев книги, то имело для них явно другой смысл, нежели для самого автора; то же самое можно сказать про термин «родина».

Подведем итоги. Перед нами – справочное издание, «популярное (насколько это позволяет тяжелый авторский стиль) источниковедение», по форме представленное как научная монография (это в полной мере применимо и к другим произведениям данного автора). Безусловно, научность в данном издании присутствует, ведь перед тем как перейти к финальной фазе работы историка – каким-либо выводам, предварительно необходимо поработать в архивах и из полученной информации сложить какой-никакой нарратив, из которого впоследствии можно будет извлечь концептуальные посылки. С этой задачей – архивные штудии – автор справился. Однако часто именно это и становится проблемой для многих исследователей, проводящих изрядное количество времени за поиском и разработкой архивных документов, – они «застревают» на этой стадии. Что же касается вопроса: «А для чего нам представленный фактографический нарратив?», который каждый историк должен задавать себе всякий раз, когда намеревается что-либо исследовать и тем более опубликовать, то складывается впечатление, что он автора не интересовал. Для него, видимо, ответ сам собой разумеющийся: – «Для науки». Наука при этом бывает разная, как ни удивительно это звучит для некоторых. Остается только надеяться, что когда-либо, как выразился когда-то автор данной монографии, «интерпретаторы найдутся». А возможно, что и сам автор представленной книги дойдет в своих исследованиях до аналитики, возвысившись над источниковым материалом. Пути Господни неисповедимы...

**Роль потомков эмира Эдиге
в Русском государстве XVI–XVII веков**
(А.В. Сергеев)

Книга А.В. Белякова представляет большой интерес в контексте изучения «служилого сословия» Московского государства, а также развития институтов власти, внутренней политики, социальных отношений. Рассмотренные роды происходили от одного предка – эпического героя Эдиге (Едигея), жившего во второй половине XIV – начале XV века. К сожалению, в книге только один раз упомянут эпос «Эдиге» [8, с. 241] и нет ссылки на издание этого замечательного произведения [42]. В XVI в. некоторые потомки Эдиге перешли на службу к московскому государю. А.В. Беляков выяснил общие и особенные характеристики, эволюцию социального статуса «выезжих» ногайских семей, роль в русском войске, пути интеграции в «служилое сословие» Московского государства. Фундаментом исследования является самая большая по объему первая глава, посвященная выездам в Русское государство и генеалогии ногайцев. Автор выделил 25 родов, считавших своим предком Эдиге [8, с. 25–26]. По оценке А.В. Белякова, в общей сложности известны более 200 потомков Эдиге, но точное число в настоящее время определить не представляется возможным.

Во второй главе приведены результаты исследования материального содержания проживавших в Московском государстве ногайских мирз и князей. Текст в данной части книги перегружен перечислениями различных видов пожалований. Подобный материал удобнее воспринимать в табличной форме. А.В. Беляковым сделан вывод: «Русские власти стремились по возможности прагматично подходить к тратам на потомков Эдиге в России. Наиболее значительным материальное содержание, по-видимому, было в XVI веке. На протяжении XVII в. происходит его постепенное сокращение» [8, с. 192].

В третьей главе книги рассмотрен ряд аспектов повседневной жизни потомков Эдиге в Русском государстве. Кроме этого, оценена роль ногайских отрядов в обеспечении обороноспособности страны [8, с. 193–241]. Анализ местнических конфликтов показал, что служившие московским государям лица из

ногайских родов фактически стояли вне института местничества. За 150 лет выявлены «только три дела о местничестве с участием ногайских князей» [8, с. 217].

В заключении к книге приведены основные выводы исследования [8, с. 243–250]. Наиболее важными, на мой взгляд, являются следующие: на протяжении XVI–XVII вв. «статус Эдигеевичей в России претерпел значительные изменения. При этом четко прослеживается некая разделительная черта – до и после Смуты» [8, с. 243]; во 2-й половине XVI в. принявшие христианство ногайские князья были наделены крупными поместьями; в Романовском уезде сформировался центр компактного проживания ногайских мирз и их военных отрядов, просуществовавший более столетия; начиная с середины XVI в. ногайские мирзы со своими отрядами регулярно участвовали в войнах, которые вел московский царь, но «преувеличивать их значение в победах русского оружия все же не стоит»; ключевое значение для инкорпорации ногайских выходцев «в высшую страту служилых людей Московского государства» имело принятие ими православия; «первоначально знатные ногайские выходцы отождествлялись в России как одна из разновидностей служилых (служебных) князей. Но в начале 1590-х гг. в их статусе происходит значительное изменение. Они теряют положение служебных князей и трансформируются в дворян по московскому списку и стольников» [8, с. 244]; «рубеж XVII–XVIII вв. стал логическим завершением истории Эдигеевичей в России. Этот род дал множество представителей, прославившихся в различных формах деятельности на благо страны, ставшей им новой родиной» [8, с. 250].

В приложении к исследованию приведены тексты 16 грамот и извлечений из документов, хорошо иллюстрирующих и дополняющих наблюдения автора.

В целом, отмечая высокий научный уровень книги А.В. Белякова, следует сделать ряд замечаний.

Прежде всего, название книги не вполне отражает содержание. Кого из ногайских выходцев можно отнести к знати? Вероятно, сравнительно небольшой круг фамилий, принявших православие, успешно интегрировав-

шихся в «служилое сословие» Московского государства, занявших видные места в Государевом дворе. Значительное число лиц ногайских родов сохраняли иную конфессиональную принадлежность. В этих случаях «инкорпорация» в служилое сословие Московского государства оставалась неполной. Возможно, к знати можно также причислить кого-то из этих лиц, имевших авторитет среди соплеменников и осуществлявших представительские, административные функции в местах поселений ногайцев в России. А остальные, коих было большинство? Можно ли их считать знатью? Социальной стратификации ногайцев в книге уделено мало внимания. А.В. Беляков постулирует, что рассматриваемые в книге лица «относились к высшей и средней страте служилых людей», но ничего не говорит о критериях этой классификации и о выделении самих страт [8, с. 18]. В основу работы положены родословия, а не социальная стратификация тех или иных родов в Русском государстве. Указанный подход делает книгу прежде всего родословным справочником и в меньшей степени исследованием социальной эволюции ногайских выходцев и особенностей этого процесса. Кроме того, в этом случае неизбежны отдельные повторы в тексте: некоторые факты использованы в описании родословий, а затем повторены при характеристике аспектов социальной жизни ногайских семей в следующих главах [8, с. 77, 202].

Автор не использует общепринятые сокращения при оформлении ссылок. Описания источников и публикаций приведены всегда полностью. Такой прием неоправданно увеличивает объем текста и неудобен при частом упоминании одних и тех же работ.

В параграфе об исторических источниках А.В. Беляковым родословные книги учтены только по публикациям. Оставлена без внимания важная редакция «в 81 главу» [11, с. 60, 63; 33, с. 348–270]. Один из списков этой редакции содержит особую главу «Нагайских мурз и князей» [28, л. 172–196 об.].

Автором мало использованы и не охарактеризованы в описании источников «жилицкие списки», хотя А.В. Беляков указывает, что отсутствие «детей некоторых князей ногайского происхождения» в боярских книгах объясняется их службой в жильцах [8, с. 115].

Автор редко использует рукописи дошедших до нас писцовых книг конца XVI – первой половины XVII века. А.В. Беляков часто цитирует работу А.В. Антонова с подробным описанием писцовой книги Романовского уезда 1590-х гг. [1], но непосредственно к текстам писцовых книг 1590-х, 1620-х гг. этого района компактного проживания ногайских мурз и князей не обращается.

В писцовых книгах Ярославского уезда указаны среди землевладельцев Шейдяковы и подробно описаны их владения, а также поместье и вотчина князя В. Мамаева [26, л. 472 об.–474 об.; 27, л. 1441–1473 об., 1489–1534 об.]. Кроме того, упоминается прежнее владение «князь Ондреевского поместья Урусова, а наперед ево было за отцом князь Федоровым за князь Ортемьем Шейдяковым в поместье» [27, л. 1507 об.–1522]. Указанные тексты более информативны, чем использованные А.В. Беляковым отрывочные сведения из работ О.А. Шватченко [8, с. 173].

А.В. Беляков утверждает, что «Романовский уезд взяли в опричнину, но мирзы в ней никогда не упоминаются» [8, с. 154]. Взятие в опричнину данного района целиком или частично вполне вероятно, но определенных сведений об этом нет. В данном случае автору следовало привести ссылку на источники или сформулировать это высказывание как собственную гипотезу.

А.В. Беляков предложил идентифицировать погребенную в Троице-Сергиевом монастыре княгиню-инокиню Ольгу Шейдякову как дочь князя Петра Тутаевича Шейдякова и справедливо указал, что «в таком случае не объясняется, почему она названа княгиней» [8, с. 72]. Из приведенных данных можно заключить, что в монастыре была похоронена жена князя Петра Тутаевича княгиня Ксения Борисовна. Перед кончиной она, по-видимому, постриглась под именем Ольга.

Спорным является отождествление А.В. Беляковым указанной в синодике Чудова монастыря княгини Анны Шейдяковой с супругой лица из знатной, но нетитулованной фамилии Бутурлиных. Автор в данном случае справедливо задается вопросом: «Непонятно, почему супруга Бутурлина названа княгиней» [8, с. 77, 202]. В поминании, вероятно, указана родственница Бутурлиных, выданная за кого-то из князей Шейдяковых.

Высказанные замечания, прежде всего, направлены на выявление содержащегося в источниках потенциала для дальнейшего исследования интересной и важной темы обсуждаемой книги и не затрагивают ее основного содержания и выводов. Наблюдения, обобщения, сделанные А.В. Беляковым в исследовании судеб ногайских родов в Русском государстве XVI–XVII вв., являются существенным вкладом в отечественную историческую науку.

**Коллективные родословные
ногайской знати в Средние века:
генеалогия и просопография
(Н.В. Рыбалко)**

В течение трехвекового периода изучения истории Средневековой России каждая новая монография приковывает к себе пристальное внимание ученых и любителей истории, вызывает оживленные дискуссии. Заметным событием стало появление новой книги А.В. Белякова «Ногайская знать в России XVI–XVII веков» [8].

Несмотря на общемировую практику, ведущую свои истоки с XIX в., активное использование в Европе с 1920–30-х гг. и теоретическое оформление основных принципов к 1970-м гг. [31], в России метод просопографии активно стал реализовываться только с 1990-х годов. Познакомившись с более 5 000 публикаций, Ю.Ю. Юмашева отметила, что в настоящее время метод просопографии реализуется в двух видах исследований: 1) при изучении «динамических явлений, происходящих в определенный период времени с группой исследуемых объектов, обладающих хотя бы одной общей характеристикой»; 2) при изучении «коллективных биографий» социальных групп и страт [43, с. 3].

В исследовании о ногайской знати А.В. Беляков демонстрирует успешное сочетание генеалогического метода и просопографии, хотя о просопографическом методе в данной работе автор ни разу не упоминает. Им не только восстановлены поколенные и горизонтальные связи, но и выяснена роль представителей ногайской знати в событиях Московского государства, влияние родственных связей на политические и международные процессы, в частности, как отметил автор, на такой важ-

ный процесс, как «формирование служилой страты Русского государства в предпетровскую эпоху» [8, с. 132]. Таким образом, данное исследование вполне можно охарактеризовать как просопографическое, где изучается такое динамическое явление, как интеграция ногайской знати в русское общество на протяжении XVI–XVII веков. Стоит отметить, что за время своей научной деятельности Андрей Васильевич Беляков показал умение работать как в жанре составления отдельных биографий [5; 6; 7], так и коллективных [2; 4].

Современные тенденции, связанные с историей повседневности, гендерным анализом, активно развивающиеся в исторической науке в последние два десятилетия, нашли отражение в первом же параграфе первой главы монографии А.В. Белякова: женский вопрос – о «выезжих» женах татарских царей и царевичей. Показательно это еще и потому, что история Средневековья – по большому счету история мужская, женщинам отводилась второстепенная роль в обществе: их жизнь и деятельность не были связаны с войнами, политическими вопросами, государственным управлением и службой, наследованием собственности (кроме вдовьего удела), причастностью к составлению каких бы то ни было текстов. Генеалогические древа, как правило, тоже ориентированы на родство по мужской линии. Однако, несмотря на слабое отражение «женской истории» в документах, родственные отношения по женской линии требуют особого изучения, это дает понимание личных контактов, служебных назначений, и, как отметил А.В. Беляков, изучая историю ногайских татар, «через браки устанавливались международные союзы и продвигалось ногайское влияние» [8, с. 28].

Ввиду отсутствия источников сводного характера исследование становится возможным только в результате кропотливого, систематического изучения исторических документов путем их сплошного просмотра. И чем больше ученый работает, тем больше материала накапливается. А.В. Беляков в науке уже более 25 лет. Плодотворные архивные разыскания дают свой результат.

Тщательную работу А.В. Белякова с документами следует отметить особо: присут-

ствует критический анализ фактических свидетельств, прослежена генетическая связь текстов, выявлены элементы фальсификаций как материального подлога, совершенного, по предположению автора, известным фальсификатором А.И. Сулакадзевым, так и интеллектуального – современниками или потомками. Ученый на конкретных примерах показал, что часто фальсифицировались именно данные родословных книг, которые к тому же содержат далеко не полную информацию, ее обязательно следует сопоставлять и перепроверять по летописям, разрядным, посольским и писцовым книгам, делопроизводственной документации монастырей, данным некрополей и т. д.

Истина в деталях. А.В. Беляков не идет от уже сложившихся концепций и обобщений, не подтверждает данными источников «единственно верную» или какую-либо еще теорию. Он как настоящий глубокий исследователь идет от фактов, заключенных в источнике, четко разделяя те, в которых ученый уверен, и те, на которых можно только построить гипотезу. Именно фактами обосновываются выводы. Это оригинальное, добротное исследование.

В отличие от изданий справочного характера, исследование А.В. Белякова не ограничивается лишь собранными по фамилиям и персоналиям биографическими данными. Показаны родственные связи, личные контакты, служебные назначения. Красной нитью сквозь исследование проходят наблюдения о русской и татарской традиционности, религиозной и культурной интеграции.

Отдельная тема, которая проходит через все исследование А.В. Белякова, – это татарская ономастика: происхождение имен, родовых фамилий и прозвищ, вариативность их упоминаний в документах, идентификация исторических личностей по именам и прозвищам. Очень интересная проблема. Автору данных строк тоже пришлось с этим столкнуться при собирании биографий дьяков и подьячих Московского государства [30].

В монографии отмечен ряд динамичных процессов, происходивших на протяжении XVI–XVII вв., как то: выдача поденного корма, изменение отношения к ногайским князьям с переходом в православие и др. Но очерковый принцип монографии не дал возможно-

сти показать, как менялось положение ногайской знати в зависимости от того, кто стоял во главе Московского государства (информация рассредоточена по всему исследованию), какими нормами права регулировалось материальное обеспечение ногайских князей, кроме жалованных грамот, соответствовали ли индивидуальные пожалования общегосударственным нормам и с какими категориями лиц Государева двора они были сопоставимы. Иными словами, что в интеграции «выезжей» ногайской знати можно считать константой, а что переменной, и зависела ли динамика процессов от политики главы государства. Заключение построено как раз по такому хронологическому принципу.

Ни одно просопографическое исследование периода Средневековья никогда нельзя будет назвать полностью завершенным только потому, что работа с архивными документами требует личного присутствия ученого в архиве (решение проблемы – оцифровка документов), физически невозможно одному человеку охватить весь массив документов (решение – коллективная работа), часто в просопографических исследованиях ученые обращаются к одним и тем же документам, игнорируя предыдущие исследования (оптимальный выход – открытая просопографическая база). Все эти вопросы периодически поднимаются на научных семинарах, конференциях и в публикациях. Их решение возможно только путем объединения усилий больших коллективов с единым координационным центром и долгосрочным финансированием.

Остается пожелать Андрею Васильевичу Белякову дальнейшей плодотворной работы и успешной реализации новых проектов!

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Антонов А. В. Землевладельцы Романовского уезда по материалам писцовой книги 1593–1594 годов // Архив русской истории. М.: Древлехранилище, 2007. Вып. 8. С. 574–601.
2. Беляков А. В. Чингисиды в России XV–XVII веков: просопографическое исследование. Рязань: Рязань. Мир, 2011. 512 с.
3. Беляков А. В. Москва и татарский мир – доноры и реципиенты // Средневековые тюрко-татарские государства. 2017. № 9. С. 196–201.

4. Беляков А. В. Служащие Посольского приказа 1645–1682 гг. СПб.: Нестор-История, 2017. 368 с., ил.
5. Беляков А. В., Трепавлов В. В. Сибирские царевичи в истории России. СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2018. 496 с.
6. Беляков А. В. Ураз-Мухаммед ибн Ондан и Исиней Карамышев сын Мусайтов: Опыт совместной биографии. Алматы: АБДИ Компани, 2019. 206 с.
7. Беляков А. В. Симеон Бекбулатович: пример адаптации выходцев с Востока в России XVI в. М.; СПб.: Нестор-История, 2022. 408 с.
8. Беляков А. В. Ногайская знать в России XVI–XVII веков. М.: Старая Басманная, 2023. 324 с.
9. Бенцианов М. М. Государев двор и территориальные корпорации служилых людей Русского государства в конце XV – середине XVI в.: дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2000. 304 с.
10. Березина А. В., Хушкадамова Х. О. Иранское общество: институт временного брака // Восток (Oriens). Афро-азиатские общества: история и современность. 2024. № 5. С. 189–198. DOI: 10.31696/S086919080032084-9
11. Бычкова М. Е. Родословные книги XVI–XVII вв. как исторический источник. М.: Наука, 1975. 215 с.
12. Вашкау Н. Э., Герман А. А., Иванова Т. Б., Кринко Е. Ф., Сидоров С. Г. Дискуссия по книге Крауса Тамаша «Судьба идей в истории СССР и после...» // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. 2021. Т. 26, № 5. С. 272–291. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.5.22>
13. Веселовский С. Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М.: Наука, 1969. 583 с.
14. Веселовский С. Б. Дьяки и подьячие XVI–XVII вв. М.: Наука, 1975. 608 с.
15. Виноградов А. В. Посольства князя М.А. Щербатова в Крым и заключение русско-крымского договора 1594 года // Средневековые тюрко-татарские государства. 2017. № 9. С. 38–59.
16. Зайцев И. В. Великокняжеские татары в XV – первой половине XVI в. и их землевладение в Московском крае. Историко-генеалогическое исследование // Служилые и ясачные люди в России XV–XIX вв.: особенности землевладения, сословные номинации. Вып. 1. Челябинск, 2022. С. 36–72.
17. Зимин А. А. Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV – первой половине XVI в. М.: Наука, 1988. 350 с.
18. История России в двадцати томах. Т. 5, кн. 1. М.: Наука, 2024. 761 с.
19. Корзинин А. Л. Государев двор Русского государства в допричинный период. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2016. 672 с.
20. Кузьмин А. В. На пути в Москву: Очерки генеалогии военно-служилой знати Северо-Восточной Руси в XIII – середине XV в. Т. 12. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2014–2015.
21. Лисейцев Д. В., Рогожин Н. М., Эскин Ю. М. Приказы Московского государства XVI–XVII вв.: словарь-справочник. М.; СПб.: Центр гуманитар. инициатив, 2015. 303 с.
22. Моисеев М. В. Ногайско-русские отношения при Исмаил-бие (1554–1563 гг.) // Средневековые тюрко-татарские государства. 2017. № 9. С. 110–127.
23. Павлов А. П. Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове 1584–1605 гг. СПб.: Наука, 1992. 280 с.
24. Павлов А. П. Думные и комнатные люди царя Михаила Романова: просопографическое исследование: в 2 т. СПб.: Дм. Буланин, 2019.
25. Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. М.: Наука, 1981. 631 с. (Серия «Литературные памятники»).
26. Писцовая книга вотчинных земель Ярославского уезда 1627–1629 гг. // Российский государственный архив древних актов (далее – РГАДА). Ф. 1209. Оп. 1. Д. 549. 768 л.
27. Писцовая книга Ярославского уезда 1627–1629 гг. // РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 546. 669 л.
28. Родословная книга князя А. И. Лобанова // РГАДА. Ф. 181. Оп. 2. Д. 173. 396 л.
29. Русский архив Яна Сапеги 1608–1611 годов: тексты, переводы, комментарии / под ред. И. О. Тюменцева. Волгоград: Изд-во Волгогр. фил. РАНХиГС. 668 с.
30. Рыбалко Н. В. Российская приказная бюрократия в Смутное время. М.: Квадрига : МБА, 2011. 656 с.
31. Рыбалко Н. В. Метод просопографии в изучении средневековой России // Canadian-American Slavic Studies. 2015. Vol. 49, № 2–3. P. 264–278.
32. Савосичев А. Ю. Дьяки и подьячие XIV – первой трети XVI в.: происхождение и социальные связи. Опыт просопографического исследования. Орел: ОГУ, 2013. 518 с.
33. Сергеев А. В. Родословная книга князя А. И. Лобанова-Ростовского в схемах и таблицах (на примере Ростовских Рюриковичей) // Акротерий. Проблемы истории, искусствоведения, архитектуры и реставрации: сб. ст. к 70-летию Александра Гавриловича Мельника. М.: Квадрига, 2022. С. 348–370.
34. Сергеев А. В. Княжеские фамилии в Московском государстве второй трети XVI – начала XVII века: в 2 т. СПб.: ДЕАН, 2023.
35. Сказание Авраамия Палицына / подгот. текста и коммент. О. А. Державиной и Е. В. Колосовой; под ред. Л. В. Черепнина. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1955. 347 с.

36. Скрынников Р. Г. Иван III. М.: АСТ : Транзиткнига, 2006. 285 с.

37. Станиславский А. Л. Труды по истории государева двора в России XVI–XVII веков. М.: РГГУ, 2004. 506 с.

38. Трепавлов В. В. Тюркская знать в России (ногаи на царской службе) // Вестник Евразии. 1998. № 1–2. С. 97–109.

39. Трепавлов В. В. Российские княжеские роды ногайского происхождения (генеалогические истоки и ранняя история) // Тюркологический сборник. 2002: Россия и тюркский мир. М.: Вост. лит. РАН, 2003. С. 320–353.

40. Трепавлов В. В. История Ногайской Орды. М.: Квадрига, 2020. 1040 с.

41. Цветкова Н. А., Сергунин А. А., Перевезенцев А. Л., Токарева С. Б. Дискуссия по книге А.И. Кубышкина «Город и Мантия. Американский университет в структуре гражданского общества» // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. 2023. Т. 28, № 5. С. 245–259. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.5.20>

42. Эдиге: Ногайская эпическая поэма. М.: Наука, 2016. 507 с.

43. Юмашева Ю. Ю. Просопография: к вопросу о периодизации применения метода в исторических исследованиях // Историческая информатика. 2022. № 1. С. 1–51. DOI: 10.7256/2585-7797.2022.1.37566

REFERENCES

1. Antonov A.V. *Zemlevladeltsy Romanovskogo uezda po materialam pistsovoi knigi 1593–1594 godov* [Landowners of the Romanovsky District According to the Materials of the Pistsovaya Book of 1593–1594]. *Arkhiv russkoi istorii* [Archive of Russian History]. Moscow, Drevlekhranilishche Publ., 2007, iss. 8, pp. 574–601.

2. Beljakov A.V. *Chingisidy v Rossii XV–XVII vekov: prosopograficheskoe issledovanie* [Chinggisids in Russia in the 15th – 17th Centuries: Prosopographical Study]. Ryazan, Ryazan. Mir Publ., 2011. 512 p.

3. Beliakov A.V. *Moskva i tatarskii mir – donory i retsipyenty* [Moscow and the Tatar World – Donors and Recipients]. *Srednevekovye tiurko-tatarskie gosudarstva*, 2017, no. 9, pp. 196–201.

4. Beliakov A.V. *Sluzhashchie Posolskogo prikaza 1645–1682 gg.* [Employees of the Ambassadorial Office 1645–1682]. Saint Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., 2017. 368 p., il.

5. Beliakov A.V., Trepavlov V.V. *Sibirskie tsarevichi v istorii Rossii* [Siberian Tsareviches in the

History of Russia]. Saint Petersburg, Izd-vo Olega Abyshko, 2018. 496 p.

6. Beliakov A.V. *Uraz-Mukhammed ibn Ondan i Isinei Karamyshev syn Musaitov: Opyt sovместnoi biografii* [Uraz-Muhammad ibn Ondan and Isinei Karamyshev Son of Musait: Experience of Joint Biography]. Almaty, ABDI Company, 2019. 206 p.

7. Beljakov A.V. *Simeon Bekbulatovich: primer adaptacii vyhodcev s Vostoka v Rossii XVI v.* [Simeon Bekbulatovich: Example of Adaptation of Easterners in Russia in the 16th Century]. Moscow, Saint Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., 2022. 408 p.

8. Beljakov A.V. *Nogajskaja znat v Rossii XVI–XVII vekov* [Nogai Nobility in Russia in the 16th – 17th Centuries]. Moscow, Staraja Basmannaja Publ., 2023. 324 p.

9. Bentsianov M.M. *Gosudarev dvor i territorialnye korporatsii sluzhilykh liudei Russkogo gosudarstva v kontse XV – seredine XVI v.: dis. ... kand. ist. nauk* [Sovereign’s Court and Territorial Corporations of Service People of the Russian State in the Late 15th – Mid 16th Century. Cand. hist. sci. diss.]. Yekaterinburg, 2000. 304 p.

10. Berezina A.V., Hushkadamova H.O. *Iranskoe obshchestvo: institut vremennogo braka* [Iranian Society: Institution of Temporary Marriage]. *Vostok (Oriens). Afro-aziatskie obshchestva: istoriia i sovremennost* [Oriens. Afro-Asian Societies: History and Modernity], 2024, no. 5, pp. 189–198. DOI: 10.31696/S086919080032084-9

11. Bychkova M.E. *Rodoslovnye knigi XVI–XVII vv. kak istoricheskii istochnik* [Genealogical Books of the 16th – 17th Centuries as a Historical Source]. Moscow, Nauka Publ., 1975. 215 p.

12. Vashkau N.E., German A.A., Ivanova T.B., Krinko E.F., Sidorov S.G. *Diskussiya po knige Krausa Tamasha «Sudba idey v istorii SSSR i posle...»* [Discussion About the Book by Krausz Tamasha “The Fate of Ideas During the USSR History and After...”]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istorija. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2021, vol. 26, no. 5, pp. 272–291. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.5.22>

13. Veselovskii S.B. *Issledovaniia po istorii klassa sluzhilykh zemlevladeltsev* [Research on the History of the Class of Service Landowners]. Moscow, Nauka Publ., 1969. 583 p.

14. Veselovskii S.B. *Diaki i podiachie XVI–XVII vv.* [Clerks and Sub-Clerks of the 16th – 17th Centuries]. Moscow, Nauka Publ., 1975. 608 p.

15. Vinogradov A.V. *Posolstva kniazia M.A. Shcherbatova v Krym i zakliuchenie russko-krymskogo dogovora 1594 goda* [Embassy of Prince M.A. Shcherbatov to Crimea and the Conclusion of

the Russian-Crimean Treaty of 1594]. *Srednevekovye tiurko-tatarskie gosudarstva*, 2017, no. 9, pp. 38–59.

16. Zajcev I.V. Velikoknjazheskie tatory v XV – pervoj polovine XVI v. i ih zemlevladienie v Moskovskom krae. Istoriko-genealogicheskoe issledovanie [Grand-Princely Tatars in the 15th – First Half of the 16th Century and Their Land Ownership in the Moscow Region. Historical and Genealogical Research]. *Sluzhilye i jasachnye ljudi v Rossii XV–XIX vv.: osobennosti zemlevladienija, soslovnye nominacii. Vyp. 1* [Military and Peasant People in Russia of the 15th – 19th Centuries: Features of Land Ownership, Class Nominations. Iss. 1]. Chelyabinsk, 2022, pp. 36–72.

17. Zimin A.A. *Formirovanie boiarskoj aristokratii v Rossii vo vtoroi polovine XV – pervoi polovine XVI v.* [Formation of the Boyar Aristocracy in Russia in the Second Half of the 15th – First Half of the 16th Century]. Moscow, Nauka Publ., 1988. 350 p.

18. *Istoriia Rossii v dvadtsati tomakh. T. 5, kn. 1* [History of Russia in Twenty Volumes. Vol. 5, Book 1]. Moscow, Nauka Publ., 2024. 761 p.

19. Korzinin A.L. *Gosudarev dvor Russkogo gosudarstva v dooprichniy period* [Sovereign's Court of the Russian State in the Pre-Oprichnina Period]. Moscow, Saint Petersburg, Alliance-Archeo Publ., 2016. 672 p.

20. Kuzmin A.V. *Na puti v Moskvu: Ocherki genealogii voenno-sluzhiloi znati Severo-Vostochnoi Rusi v XIII – seredine XV v. T. 12* [On the Way to Moscow: Essays on the Genealogy of the Military-Serving Nobility of North-Eastern Rus' in the 13th – Mid-15th Centuries. Vol. 12]. Moscow, Rukopisnye pamiatniki Drevnei Rusi Publ., 2014–2015.

21. Liseytssev D.V., Rogozhin N.M., Eskin Yu.M. *Priказы Moskovskogo gosudarstva XVI–XVII vv.: slovar-spravochnik* [Priказes of the Moscow State of the 16th – 17th Centuries: Dictionary-Reference Book]. Moscow, Saint Petersburg, Tsentr gumanit. initsiativ, 2015. 303 p.

22. Moiseev M.V. Nogaisko-russkie otnosheniia pri Ismail-bie (1554–1563 gg.) [Nogai-Russian Relations During the Bey Ismail (1554–1563)]. *Srednevekovye tiurko-tatarskie gosudarstva*, 2017, no. 9, pp. 110–127.

23. Pavlov A.P. *Gosudarev dvor i politicheskaia borba pri Borise Godunove 1584–1605 gg.* [Tsar's Court and the Political Struggle Under Boris Godunov in 1584–1605]. Saint Petersburg, Nauka Publ., 1992. 280 p.

24. Pavlov A.P. *Dumnye i komnatnye liudi tsaria Mikhaila Romanova: prosopograficheskoe issledovanie: v 2 t.* [Duma and Chamber People of Tsar Mikhail Romanov: Prosopographical Study. In 2 Volumes]. Saint Petersburg, Dm. Bulanin, 2019.

25. *Perepiska Ivana Groznogo s Andreem Kurbskim* [Correspondence of Ivan the Terrible with

Andrei Kurbsky]. Moscow, Nauka Publ., 1981. 631 p. (Seriiia «Literaturnye pamiatniki» [Literary Monuments Series]).

26. Pistsovaia kniga votchinnykh zemel Iaroslavskogo uezda 1627–1629 gg. [Cadastre Book of Patrimonial Lands of the Yaroslavl District in 1627–1629]. *Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv drevnikh aktov (dalee – RGADA)* [Russian State Archive of Ancient Acts (hereinafter – RGADA)], f. 1209, inv. 1, d. 549. 768 l.

27. Pistsovaia kniga Iaroslavskogo uezda 1627–1629 gg. [Cadastre Book of the Yaroslavl District in 1627–1629]. *RGADA* [Russian State Archive of Ancient Acts], f. 1209, inv. 1, d. 546. 669 l.

28. *Rodoslovnaia kniga kniazia A. I. Lobanova* [Genealogical Book of Prince A.I. Lobanov]. *RGADA* [Russian State Archive of Ancient Acts], f. 181, inv. 2, d. 173. 396 l.

29. Tyumentsev I.O., ed. *Russkii arkhiv Iana Sapegi 1608–1611 godov: teksty, perevody, kommentarii* [Russian Archive of Jan Sapieha from 1608 to 1611: Texts, Translations, and Commentaries]. Volgograd, Izd-vo Volgogr. fil. RANKhiGS. 668 p.

30. Rybalko N.V. *Rossiiskaia prikaznaia biurokratiia v Smutnoe vremia* [Russian Priказes Bureaucracy During the Time of Troubles]. Moscow, Kvadruga Publ.; MBA, 2011. 656 p.

31. Rybalko N.V. Metod prosopografii v izuchenii srednevekovoi Rossii [Method of Prosopography in the Study of Medieval Russia]. *Canadian-American Slavic Studies*, 2015, vol. 49, no. 2–3, pp. 264–278.

32. Savosichev A.Iu. *Diaki i podiachie XIV – pervoi treti XVI v.: proiskhozhdenie i sotsialnye sviazi. Opyt prosopograficheskogo issledovaniia* [Clerks and Sub-Clerks of the 14th – First Third of the 16th Centuries: Origin and Social Ties. Experiment in Prosopographical Research]. Orel, OGU, 2013. 518 p.

33. Sergeev A.V. Rodoslovnaia kniga kniazia A. I. Lobanova-Rostovskogo v skhemakh i tablitsakh (na primere Rostovskikh Riurikovichei) [Genealogical book of Prince A. I. Lobanov-Rostovsky in Diagrams and Tables (Using the Rostov Rurikovichs as an Example)]. *Akroteriy. Problemy istorii, iskusstvovedeniia, arkhitektury i restavratsii: sb. st. k 70-letiiu Aleksandra Gavrilovicha Melnika* [Acrotery. Problems of History, Art History, Architecture and Restoration: Collection of Articles for the 70th Anniversary of Alexander Melnik]. Moscow, Kvadruga Publ., 2022, pp. 348–370.

34. Sergeev A.V. *Kniazheskie familii v Moskovskom gosudarstve vtoroi treti XVI – nachala XVII veka: v 2 t.* [Princely Families in the Moscow State of the Second Third of the 16th – Early 17th Centuries. In 2 Volumes]. Saint Petersburg, DEAN, 2023.

35. Derzhavina O.A., Kolosova E.V., Cherepnin L.V., eds. *Skazanie Avraamiia Palitsyna*

[Tale of Avraamy Palitsyn]. Moscow, Leningrad, Izd-vo AN SSSR, 1955. 347 p.

36. Skrynnikov R.G. *Ivan III*. Moscow, AST; Transitkniga Publ., 2006. 285 p.

37. Stanislavskij A.L. *Trudy po istorii gosudareva dvora v Rossii XVI–XVII vekov* [Works on the History of the Sovereign's Court in Russia of the 16th – 17th Centuries]. Moscow, RGGU Publ., 2004. 506 p.

38. Trepavlov V.V. Tjurkskaja znat v Rossii (nogai na carskoj sluzhbe) [Turkic Nobility in Russia (Nogai in the Tsarist Service)]. *Vestnik Evrazii* [Bulletin of Eurasia], 1998, no. 1–2, pp. 97-109.

39. Trepavlov V.V. Rossijskie knjazheskie rody nogajskogo proishozhdenija (genealogicheskie istoki i rannijaja istorija) [Russian Princely Families of Nogai Origin (Genealogical Origins and Early History)]. *Tjurkologicheskij sbornik. 2002: Rossija i tjurkskij mir* [Turkological Collection. 2002: Russia and the Turkic World]. Moscow, Vost. lit. RAN, 2003, pp. 320-353.

40. Trepavlov V.V. *Istorija Nogajskoj Ordy* [History of the Nogai Horde]. Moscow, Kvadriga Publ., 2020. 1040 p.

41. Tsvetkova N.A., Sergunin A.A., Perevezentsev A.L., Tokareva S.B. Diskussiya po knige A.I. Kubyshkina «Gorod i Mantiya. Amerikanskiy universitet v strukture grazhdanskogo obshchestva» [Discussion About the Book by A. Kubyshkin “Town and Gown. The American University in the Structure of Civic Society”]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istorija. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2023, vol. 28, no. 5, pp. 245-259. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.5.20>

42. *Edige: Nogaiskaia epicheskaia poema* [Edige: Nogai Epic Poem]. Moscow, Nauka Publ., 2016. 507 p.

43. Iumasheva Iu.Iu. Prosopografiia: k voprosu o periodizatsii primeneniia metoda v istoricheskikh issledovaniiah [Prosopography: On the Issue of Periodization of the Application of the Method in Historical Research]. *Istoricheskaia informatika* [Historical Informatics], 2022, no. 1, pp. 1-51. DOI: [10.7256/2585-7797.2022.1.37566](https://doi.org/10.7256/2585-7797.2022.1.37566)

Information About the Authors

Igor O. Tyumentsev, Doctor of Sciences (History), Professor, Chief Researcher, Federal Research Center Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Chekhov St, 41, 344006 Rostov-on-Don, Russian Federation; Director of the Research Institute for Socio-Economic Development of the Region, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, tjumencev@mail.ru, tjumencev@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8762-9308>

Andrey P. Pavlov, Doctor of Sciences (History), Professor, Department of Russian History from the Ancient Times to the 20th Century, Institute of History, Saint Petersburg State University, Universitetskaya Emb., 7–9, 199034 Saint Petersburg, Russian Federation; Leading Researcher, Saint Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences, Petrozavodskaya St, 7, 197110 Saint Petersburg, Russian Federation, a.pavlov@spbu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5952-0858>

Maksim V. Moiseev, Candidate of Sciences (History), Senior Researcher, Center for the History of Russian Feudalism, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, Dmitriya Ulyanova St, 19, 117292 Moscow, Russian Federation, maksi-moisee@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0421-8982>

Bulat R. Rakhimzianov, PhD in History, Candidate of Sciences (History), Independent Researcher, Kazan, Russian Federation, bulatraim@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7286-5650>

Anton V. Sergeev, Doctor of Sciences (History), Head of the Department of Industrial Safety, Institute of Industrial Safety, Labor Protection and Social Partnership, Konnogvardeisky Boulevard, 19, 190098 Saint Petersburg, Russian Federation, sergeev1967@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3255-5743>

Natalia V. Rybalko, Candidate of Sciences (History), Associate Professor, Department of History and International Relations, Volgograd State University, Prosp. Universitetskiy, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, natalia.rybalko@volsu.ru, rybalko_n@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5141-0902>

Информация об авторах

Игорь Олегович Тюменцев, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник, Федеральный исследовательский центр Южный научный центр РАН, просп. Чехова, 41, 344006 г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация; директор научно-исследовательского институ-

та социально-экономического развития региона, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, tijumencev@mail.ru, tijumencev@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8762-9308>

Андрей Павлович Павлов, доктор исторических наук, профессор кафедры истории России с древнейших времен до XX века института истории, Санкт-Петербургский государственный университет, Университетская наб., 7–9, 199034 г. Санкт-Петербург, Российская Федерация; ведущий научный сотрудник, Санкт-Петербургский институт истории РАН, ул. Петрозаводская, 7, 197110 г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, a.pavlov@spbu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5952-0858>

Максим Владимирович Моисеев, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Центр истории русского феодализма, Институт российской истории РАН, ул. Дмитрия Ульянова, 19, 117292 г. Москва, Российская Федерация, maksi-moiseev@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0421-8982>

Булат Раимович Рахимзянов, PhD in History, кандидат исторических наук, независимый исследователь, г. Казань, Российская Федерация, bulatraim@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7286-5650>

Антон Вадимович Сергеев, доктор исторических наук, заведующий кафедрой промышленной безопасности, Институт промышленной безопасности, охраны труда и социального партнерства, Конногвардейский бульвар, 19, 190098 г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, sergeev1967@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3255-5743>

Наталья Владимировна Рыбалко, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и международных отношений, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, natalia.rybalko@volsu.ru, rybalko_n@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5141-0902>